

АЛЕКСАНДР АГАМОВ

СЫЧИХА

День на исходе. Солнце скрылось за высокими старыми акациями. Тихая улочка села с разбитой дорогой и белеными мазанками в бархатном налете пыли. Солнце уже не палит, но от всего еще пышет печным жаром. Десяток гусей лениво щиплет на обочине дороги у акации редкую, жухлую гусиную травку землистого цвета. Два монтажника торопливо заканчивают подключение к домам подземной радиoliniи. Каждый по своей стороне улицы. Высокий белокрысый парень лет восемнадцати отстаёт от своего маленького, юркого напарника. Легкие, длинные пряди волос падают на потный лоб. Он раздраженно их отбрасывает, но они тут же снова сползают на глаза. Он злится. Напарник у него такой — закончит и уйдет, дожидаться не станет. Догоняй, мол, теперь, если наравне работать не можешь.

— Эх, черт возьми,— бурчит высокий парень,— в последний дом нырнул, а у меня еще три.

В одном доме никого нет, и траншея к линии не прорыта. У парня совсем портится настроение. Он подходит к трем женщинам, беседующим под акациями.

— Мамаши, а где же хозяева из этого дома?

— Какие уж там хозяева,— отвечает толстушка старуха со спрятанными под грязный фартук руками. На ее лоснящемся щекастом лице расплзается улыбка. Она охотно растолковывает.

— Одна-разьединая Сычиха живет. Да и та весь-то день на кладбище, а

только в ночь домой вертается. Всю жисть так-то и живет. Одно слово — Сычиха.

— А как же ей радиоточку сделать? — растерянно спрашивает парень.

Моложавая шустроглазая бабенка звонко хлопает себя по бедрам и закатывается безудержным смехом.

— Ежели делать Сычихе радиво, то тяните на кладбище. Да только далече это будет.

Третья баба, с темным и сердитым лицом, натягивает на глаза косынку, будто прячет их от людей, и глухо говорит:

— А дома-то у Сычихи и кошки нет... Кому же радиво слушать?

— Та вот же и Сычиха, легка на помине, идет,— воскликнула толстушка.

— И чего ты, Митревна, не в свое дело-то лезешь! — обрывает толстуху сердитая. — Кому надо, сам найдет...

Но парень торопится, он уже пошел навстречу небольшой сухонькой старухе. Идет старуха медленно, опустив голову, то ли задумалась, то ли устала.

— Бабка,— резко окликает парень,— тебе радио делать или нет? Старуха вздрагивает, но подымает голову медленно и молча смотрит на парня.

— Ты что — оглохла? Радио тебе надо или не надо?

У старухи оживилось лицо.

— Хотелось бы, голубок, как можно. Какая бы это была благодать, голубок...

— Ну, а чего же ты дома не сидишь?! — возмутился парень. — И

траншею не выкопала. Как я тебе кабель проложу?!

Теперь монтажнику было бы лучше, если бы старуха отказалась. Из-за нее одной нужно возвращаться на эту улицу.

— Вот что,— припугивает он,— если к завтрашнему утру не будет траншеи, то и радио не будет!.. Ясно?..

Старуха молча смотрит на парня с виноватой улыбкой. Ему становится неловко и это еще больше его злит. «Тьфу, черт бы тебя забрал!»— мысленно выругавшись, он уходит.

Сычиха продолжает стоять с застывшей смущенной улыбкой. Соседки что-то громко, без стеснения, говорят о ней и вызывающе смеются. Наконец, до нее доходит смысл бойкой болтовни. Она втягивает голову в плечи, пытаясь укрыться от жестоких слов, и торопится к себе во двор...

Сычиха выносит из сарая две лопаты, но и одна, и другая тупы, сразу видно, что они давно не были в мужских руках. Сычиха знает, что этими лопатами она с трудом работает в огороде, а траншею и тем более немислимо выкопать. Но радио — это ее единственная надежда, что в доме будет живой человеческий голос.

Сычиха копает, напрягая все свои силы. Но дело идет медленно. Помог бы кто... А кто ей поможет?.. Да и совестно Сычихе просить людей, не привыкла к этому. А вдруг откажут или, еще, чего доброго, осмеют. Как она объяснит, зачем ей радио...

Старается Сычиха, нажимает на лопату до дрожи в ноге. Не хочет потерять последнюю надежду...

Смеркается, а Сычиха не докопала еще и до забора. А там надо одолеть утоптанную, глинистую землю улицы, до вздутости, где прошел нож кабелеукладчика.

Совсем темнеет. Работу надо кончать. Сычиха натужно, до хрипоты в горле напрягается, чтобы выбраться из траншеи. Она решает докопать траншею ранним утром. А можно и раньше, во второй половине ночи, когда взойдет луна.

Есть ей совсем не хочется от усталости.

Не зажигая свет, в потемках Сычиха проходит во вторую комнату и ложится на кровать, не разбирая ее и не раздеваясь. Она сняла только чуваки. Ей кажется, что разденся она — и может пропустить время восхода луны.

Сычиха лежит на спине с открытыми глазами, и темнота, душная и вязкая, давит на нее, проникает внутрь и теснит сердце. Тогда она закрывает глаза и погружается то ли в забытье, то ли в прошлое.

В родное село Петр Сычев вернулся позже других мужиков. Со спецотрядом он гонялся за разными бандами. А пока Петр уничтожил остатки контры, бандиты, мстя ему, убили его родителей.

Петр Сычев вернулся в опустевший дом. Но он вернулся не один, с ним была его Паша. Девушка невысокая, худенькая. Из-за стеснительности она казалась неразговорчивой и даже гордой. И поэтому Паша плохо сходилась с сельскими молодухами. Бывало, какая встретит ее на улице или в хату к ней забежит и давай судачить о той, о другой. И такие они и сякие... А Паша слушает, улыбается и молчит. А чего улыбается? Может, насмехается... Плюнет девка в сердцах и уйдет.

Так и не нашлось на селе у Паши подруг. Невзлюбили ее.

По своему характеру Петр был строг в оценке людей и их поступков. А война, революция, борьба с бандами и гибель родителей — все это сделало его суровым человеком. Он стал беспощадным к тем, в ком видел врагов. Поэтому одни его боялись, а другие — ненавидели.

Тихая, ласковая Паша видела, как люди относятся к мужу. Она знала, что в душе он добрый человек, и не могла понять, отчего в жизни получается все по-иному. И однажды Паша решила спросить:

— Петр Денисыч, вы не сердчайте на меня,— она называла мужа только по имени и отчеству,— но мне кажется, что

не надо бы с людьми так-то... Вы ведь добрый, а они вас боятся... будто вы злой...

Петр неторопливо подошел к жене, погладил ее по голове и сказал:

— Птаха ты моя славная, к людям я не злой, а строгий. Нельзя с ними жить на одной доброте. Люди разные. Одним доброта кажется слабостью, и они начинают считать тебя дураком. Другой и совсем контра, да притаился от трусости, а ты начни его ласкать — он и распояшется, да и треснет тебя же по башке. Не могу я быть добреньким, не то сейчас время... Хотя бы во имя родителей своих не могу... Таких людей, как ты, птаха, не много, к таким я добрый, очень добрый... Веришь мне? Ну, и умница. Потому-то я тебя и нашел. Трудно жить таким, как ты, без таких, как я...

А потом родился сын Васятка.

И Петр заметно подобрел. Ему даже стало казаться, что он действительно был не совсем прав с людьми и надо быть помягче. Теперь он мог кое-что простить им. Но видно не у всех было тепло и светло на душе, как у Петра Сычева, и не все поэтому могли прощать.

Это случилось осенним вечером, когда мокрый, тяжелый туман так придавил село к земле, что и собаки не подавали признаков жизни. Петр и Паша сидели у стола в светелке. Петр согнулся над учебником, а Паша вязала Васятке пуховую шапочку. Ей надо было еще сходить во двор по хозяйственным надобностям, но темень пугала. Да и на душе как-то беспокойно было. Она хотела попросить Петра проводить ее, но стеснялась. Ведь он-то ничего не боится и не поймет ее страха. И вдруг что-то грохнуло так, что ударило Паше в затылок. Паша подняла глаза от вязания и обмерла... Петр стоял во весь свой огромный рост, на лбу что-то темнело, рот широко открыт, а комнату сотрясал страшный крик, схожий со звериным ревом. Руки Петра с растопыренными пальцами были вытянуты к Паше. И вот, не сгибаясь, как столб, он стал падать на нее. Паша в ужасе отшвырнула его руки и бросилась вон из комнаты. Она не

видела, как Петр, уже со стоном, боком завалился под стол... Паша не помнила, выскочила ли она во двор или на улицу и долго ли кричала. Она не помнила, скоро ли пришли люди и много ли их было. Первое, что прояснилось в ее сознании, — это, как два мужика старались ввести ее в хату, а она изо всех сил сопротивлялась. Жуть ползла на нее из распахнутой двери, а в ушах стоял колокольный звон...

Потом какая-то женщина поднесла Васятку, он заходился от крика. Паша схватила его, хотела прижать к груди, но руки ее плохо слушались, и она чуть не уронила сына...

Потом она оказалась в хате, но подойти к мужу, уже лежавшему на кровати, не смогла. Она забилась в угол, сползла по стене на корточки и окаменела...

Еще и наутро Паша ничего не могла делать, ее трясло, как в лихорадке. Люди готовили Петра к похоронам. Васятка все плакал, а она не могла его успокоить. Малыша кормили кашкой и жеваным хлебным мякишем, но он требовал материнского молока, а оно сгорело. Ночью у него поднялась температура, он тяжело дышал...

На другой день схоронили Петра Сычева. На могиле поставили пирамидку, обтянутую красной тканью, со звездой и надписью на жестяном квадратике: «Сычеву Петру Денисовичу — борцу за Советскую власть».

А Васятка пылал в жару, дышал тяжело, с хрипом. Так в три дня и сгорел Васятка, наследник Петра Сычева — Василий Сычев. Враз не стало семьи Сычевых, осталась одна, обезумевшая от горя женщина, привезенная «издаля»...

Добрые люди выходили Пашу, впавшую как бы в сон. Ей бы как-нибудь откликнуться на внимание и заботу, а она только опускала глаза и виновато улыбалась. И опять люди восприняли это как гордость. Дескать, не нуждается она в их помощи. И от Паши со временем все отстранились.

Шло время, Паша работала на птицеферме. Работала много, от света дотемна. Ей никак нельзя было

оставаться дома одной, ибо сейчас же она видела мужа в тот момент, когда он с леденящим сердце криком и вытянутыми руками падал на нее. А она оттолкнула его и бросилась вон. И тогда Петр с жалобным, как вздох, стоном боком завалился под стол. Видеть последнее она не могла, но каким-то внутренним чувством восприняла эту картину, и она теперь терзала душу. Вот Петр никогда бы от нее не отстранился, да еще в такую минуту. От какой думки он простонал?.. А что бы сказал ей муж на то, что она не уберегла Васятку?.. «Нет,— думала она,— нет такой матери прощения!..» В смертный час она бросила Петра и в смертный же час не защитила своего единственного сына — Васятку!..

Ей бы излить кому горе, выплакаться, а она стесняется, боится не поймут, осудят. Терзает она свое сердце и людей против настраивает...

Шло время, и люди забыли об убийстве Петра Сычева, а маленький Васятка, тем более, скоро забылся. Вроде и не жили они. Один только человек не мог забыть их, не мог свыкнуться с их смертью. Трудно жилось Паше с ее до болезненности стеснительным характером. А после горя, постигшего ее, она и совсем стала странной. Она могла долго простоять около судачащих женщин и не произнести ни слова. А женщины видели в этом хитрость.

— Все выслушивает, а сама ни слова. Обо всех все знает, а о ней ни шиша не известно.

Другие говорили:

— Что за баба, мужа и сына потеряла враз, а никто-то ее слез не видел, никому-то горюшка своего не излила. Бедный Петька Сычев, где же он такую бессердечную нашел? Вот так-то со стороны девок брать...

С гибелью мужа Паша отошла от домашнего хозяйства. Единственно чем она занималась дома — это цветы. Любовь к цветам, у Паши родилась после смерти Петра и Васятки. Вначале она посадила немного цветов на их могилах, чтобы украсить глинистые холмики. Паша почувствовала, что с цветами на

могилки пришло что-то светлое, ласковое, нежное, что давало успокоение ее истерзанному сердцу. И она полюбила цветы. Теперь Паша сажала их не только на кладбище, но и во дворе у себя. Она их старательно выхаживала, поливала, а соседки возмущались:

— Столько трудов и без толку. Посадила бы помидоры, и себе бы был прок, да и на базар снести можно.

Шло время...

Паша состарилась, и уж никто не искал сближения с ней. Да и сама она уже смотрела на свое одиночество, как на закономерное явление. И имя ее сгладилось в памяти людей, осталась только обидная кличка — Сычиха...

Уж на пенсии Сычиха, а стоит ей посидеть долго одной в хате, особенно вечерней порой, и снова видится ей тот страшный осенний вечер: крик Петра, его протянутые руки... А потом стон боли и обиды, что бросила она его в такой миг... Она, кого Петр гладил по голове своей большой рукой и называл птахой, родной птахой!.. Рвется сердце на части у старой Сычихи. Вот уж сколько лет нет ему покоя,...

Вот и сидит Сычиха до тех пор во дворе, среди цветов, пока все небо не усеется звездами и не станут тяжелыми веки ее. Днем она копается в огороде, но чаще сидит на кладбище. Здесь ее не преследует страшное видение. Здесь она видит Петра, - большого, сильного, доброго к своей птахе малой... А порой кажется ей, что держит она на руках Васятку, а он шарит носиком и пухлыми губенками у нее на груди...

Впрочем, у Сычихи есть два друга. Частенько навещает ее сорокалетняя душевнобольная женщина, живущая со стариками родителями. У нее мания, что родители обделяют ее в еде, в одежде, в тепле. Никто в селе не хочет слушать ее всем известных жалоб, а Сычиха слушает, никогда не прервет, никогда не усомнится. За это больная называет ее уважительно по отчеству.

— Знаешь, Ильинишна,— возмущенно говорит она,— сегодня отец зарубил петуха. Так сами они сожрали

всего петуха, а мне одну горлянку дали. Мать потихоньку сливки слизывает, а мне снятого молока вволю не дают... А спят-то сами под ватным одеялом, а мне стираное и перестиранное байковое дают...

Другой друг — двенадцатилетний Мишка-пастушок. Он пасет коров рядом с кладбищем и приходит к бабке Сычихе; другого имени он не знает. Да и вообще Мишка называет ее просто бабкой. Он, подходя к Сычихе, хмурит для солидности брови, ведь он мужчина, работник, и спрашивает:

— Принесла?

— Принесла, сынок, принесла,— отвечает Сычиха и торопливо достает из кошелки кулечик леденцов.

Мишка садится на могильный холмик и жадно хрустит леденцами, а старушка гладит ему голову, очень осторожно, еле касаясь ладонью волос, чтобы не рассердить трудового мужичка.

— Ты не торопись, сынок,— говорит Сычиха,— а то неровен час зуб повредишь.

Мишка косится на нее и почти сдержито говорит:

— А у меня-то дел побольше твоего. Сидишь целый день на кладбище и дела никакого, а у меня коровы могут траву сделать.

— Да и то, сынок, правда твоя.. Кормилец ты мой милый.

Мишка кончает с леденцами и деловито осматривает кулечек — не осталось ли там что.

— Ну ладно, я пошел.

— Иди, милый, иди кормилец. Отойдя на несколько шагов, Мишка оборачивается и говорит:

— А ты, бабка, приноси еще ледяшек, я к тебе обратно приду.

Лунный свет прокрался в хату Сычихи и лег ей на лицо. И лицо стало бескровным, мертвым, нос — будто просвечивает. Может быть, тягостная жизнь Сычихи и действительно окончена? Кого это удивит? Больше удивляет, что эта слабая женщина, столько перенесшая горя, смогла дожить

до старости. К некоторым людям судьба бесконечно жестока. Тем, кого нещадно бьет, она дает долголетие.

Но вот дряблые веки дрогнули и медленно открылись. И снова Сычиха видит знакомую картину: старая печь, открытая дверь в первую комнату, край стола, потом весь стол, а за ним стоит стул, на котором сидел Петр...

Сычиха проводит рукой по лицу, будто хочет убрать лунный свет или страшные видения. Но избавиться от них в одинокой тишине этой комнаты ей никогда не удавалось. Сычиха, покряхтывая, встает с кровати, оправляет одежду, ту же повязывает косынку и торопливо выходит во двор.

Все залито лунным светом.

— Ну вот и добро,— улыбаясь говорит она,— и светло, и жары нет,— только работать!

...Сычиха усердно долбит уличный утопанный грунт. Когда совсем обессиливает, она бросает одну лопату и берет другую в надежде, что эта, авось, лучше будет резать землю.

Соседский петух хрипло, но истово дерет глотку. Сычиха всполошилась. Уже сереет, а дело идет вон как плохо...

Луна осветила, звезды померкли, восток розовеет. Скоро будут выгонять коров. Надо бойчее копать. А сердце бьется, рвется из груди. Где уж тут бойчее, когда дыхание в горле перехватывает.

— Господи, помоги мне,— просит Сычиха.— А то ведь люди пойдут, засмеют мою немощь. И чего скажут, старая, мол, дура, жилы тянет из себя, навряд без радива дожить не может... А мне-то как оно надобно... Как надобно!..

Запел рожок Мишки-пастушка. Сейчас погонят коров к перекрестку, где ждет их Мишка, сонный и серьезный, как взрослый мужик. Сычиха то ли со стоном, то ли с всхлипом выбирается из траншеи. Во дворе она садится на большой камень, сверху которого лежит трухлявая доска, и, не выпуская из маленьких, не в меру натруженных рук лопату, смотрит на траншею. Долго

смотрит. Потом закрывает глаза, и две слезы медленно ползут по ее изборожденным морщинами щекам...

— Во черт!— слышит Сычиха восклицание на улице.— Чуть не докопано. А кто ж копал?

Калитка распахивается и входит высокий монтажник.

— Спит, что ли,— удивляется он, увидев Сычиху, сжавшуюся в комочек.— Ты что, бабка, сама копала?

Сычиха смотрит на парня и виновато улыбается, будто хочет сказать: вот ведь беда, не смогла докопать...

— Чтоб тебя!..— парень резко взмахивает кулаком. — Да ты что — ночь копала?.. Шуток не понимаешь...

Парень совсем теряется от смущения. Лицо его становится пунцовым.

— Радива хотелось,— тихо говорит Сычиха.

— Да ты что...— парень проводит ладонью по горящему лицу.— Да сказала бы, что тебе действительно некому помочь... Да я бы сам вырыл!.. Черт бы их всех забрал!!

Парень злится от смущения. Он хватается лопату и выскакивает на улицу.

Сычиха подходит к забору к удивленно смотрит, как чужой, незнакомый парень трудится над ее траншеей.

Как-то незаметно около них оказались Сычихины соседки: толстющая старуха и другая — с темным, злым лицом.

— Бог на помощь.

— Какой тут бог!— обрывает парень.— Лучше бы принесли острую лопату. Тоже мне, соседи!..

— Да сию ж минуточку!— взвизгнула толстуха.

А сердитая открыла рот, хотела что-то сказать, но, ничего не сказав, так и осталась с открытым ртом...

— Ну вот такой лопатой,— сказал подобревший парень запыхавшейся толстухе,— и вашу глину можно копать.

Парень кончает траншеей и весело говорит:

— Ничего, мамаша, я еще приду к тебе, когда заговорит радио. Ух уж мы

его и обмоем!..

Сычиха смотрит на парня, и крупные, обильные слезы текут и текут по ее щекам, даже узелок косынки под подбородком уже мокрый.